

И. М. ДУНАЕВСКАЯ

*ЯЗЫКИ
НАРОДОВ
АЗИИ
И
АФРИКИ*

ЯЗЫК
ХЕТТСКИХ
ИЕРОГЛИФОВ

*Серия основана
проф. Т. П. Сердюченко*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1969

4 И
Д 83

Редколлегия

В. М. Солнцев (председатель), *Н. А. Дворянков*, *Н. А. Лисовская* (ученый секретарь), *Ю. Я. Плам*, *Г. Д. Санжеев*

В очерке даны обзор хеттских иероглифических памятников (II и I тысячелетия до н. э.), найденных на территории Турции и Сирии, история дешифровки хеттских иероглифов, характеристика хеттской иероглифики как системы письма и краткая грамматика языка хеттских иероглифов. В приложение включены образцы текстов, полный список знаков, карта находок хеттских иероглифических памятников и др.

7-1-4
191-69

Ирина Михайловна Дунаевская
ЯЗЫК ХЕТТСКИХ ИЕРОГЛИФОВ

Утверждено к печати Ученым советом Института востоковедения

*

Редактор *Е. А. Поцелуевский*. Технический редактор *Л. Ш. Береславская*
Корректор *Н. Б. Осягина*

Сдано в набор 3/VI 1968 г. Подписано к печати 14/IV 1969 г.
А-02370 Формат 60×90^{1/16} Печ. л. 7,5 Уч.-изд., л. 7,17
Тираж 1700 экз. Изд. № 2062 Зак. № 849. Цена 45 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука» Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

ОТ РЕДАКЦИИ

Серия «Языки народов Азии и Африки» основана в 1959 г. проф. Г. П. Сердюченко, под общей редакцией которого было выпущено 75 очерков, вызвавших большой интерес у советских и зарубежных читателей.

После смерти Г. П. Сердюченко публикация серии продолжается под руководством редакционной коллегии.

Очерки, составляющие серию, посвящены описанию либо современных языков стран Азии и Африки, либо языков прошлого, сыгравших большую культурно-историческую роль в жизни народов Востока. Ряд очерков содержит характеристику отдельных языковых групп.

Очерки, публикуемые в настоящей серии, предназначены для широкого круга языковедов и историков — научных работников и аспирантов, а также для преподавателей и студентов восточных филологических и исторических факультетов высших учебных заведений. Они могут оказаться полезными для читателей, интересующихся общим языкознанием или изучающих отдельные восточные языки. Для того чтобы читатели могли лучше ориентироваться в серии, помещаем список вышедших очерков.

ОТ АВТОРА

На территории современных Турции и Сирии, начиная со второй половины прошлого века, путешественники и археологи находили и продолжают находить памятники особой иероглифической письменности — надписи и печати. Находки в Турции датируются II и I тысячелетиями до н. э., а находки в Сирии — первыми тремя веками I тысячелетия до н. э.

В настоящее время эти так называемые хеттские иероглифы дешифрованы, и иероглифические надписи I тысячелетия до н. э. в основном читаются. Язык их принадлежит наряду с хеттским-клинописным (неситским), лувийским-клинописным и палайским, а также языкам, известными по памятникам I тысячелетия до н. э. (ликийским, лидийским, возможно карийским) и по ономастике того же времени, к анатолийской (иначе хеттской, или хетто-лувийской) группе индоевропейских языков, но в пределах этой группы он ближе к лувийскому, чем к хеттскому, являясь одним из лувийских диалектов.

Иероглифические тексты II тысячелетия до н. э. пока не поддаются чтению, кроме некоторых надписей на печатях, но последние не позволяют с достаточной определенностью судить о языке. Однако есть основания думать, что это был в основных чертах тот же язык, что и в I тысячелетии до н. э.

Настоящая книга представляет собой краткую сводку данных, добытых ценою без малого ста лет напряженного труда многих ученых, собиравших и издававших иероглифические памятники Малой Азии и Сирии, дешифровавших иероглифическую письменность, определивших строй языка, фиксируемого этой письменностью, и выяснивших, в той мере, в которой это пока оказалось возможным, его фонетику, лексический состав и грамматику. Так как автор ставит перед собой задачу сообщить именно те данные о языке, которые могут быть извлечены из самих хеттских иероглифических памятников, то элементы сравнения с другими хетто-лувийскими (анатолийскими) языками присутствуют лишь в самых необходимых случаях, при этом преимущественно привлекаются данные языков II тысячелетия до н. э., т. е. хеттского-неситского, лувийского и палайского, и в отдельных случаях и ликийского I тысячелетия до н. э., а данные топонимистики Малой Азии не привлекаются вовсе.

Автор благодарит И. М. Дьяконова, В. В. Шеворошкина и В. А. Лившица, взявших на себя труд прочесть рукопись книги и сделавших ряд ценных замечаний.

I. ВВЕДЕНИЕ

Язык, о котором здесь пойдет речь, принято называть языком хеттских иероглифов, или хеттским-иероглифическим. Этот термин настолько укоренился, что его продолжают придерживаться, пренебрегая его неточностью, хотя в последнее время приносится также обозначение «лувийский-иероглифический».

Термины «хетты», «хеттская культура», «Хеттское царство» в XIX в. связывались в науке с определенным типом памятников — иероглифическими надписями на камнях и печатях, а также рельефами, как имеющими, так и не имеющими иероглифические надписи. История этого вопроса следующая.

Вначале такие памятники были найдены в Северной Сирии. Первая находка камня с невиданными до тех пор, не похожими на египетские, письменными знаками рисуночного характера была сделана в 1812 г. швейцарским путешественником Л. Буркхардтом, который видел этот камень в стене базара в сирийском городе Хама. Однако уровень знаний о Древнем Востоке был тогда таков, что находка эта никого не заинтересовала.

Спустя шестьдесят лет американцы Джонсон и Джессеп нашли этот камень на том же месте. Кроме того, им стало известно о других подобных камнях с надписями в ряде населенных пунктов Северной Сирии (местные жители полагали, что они обладают магической силой излечивать различные недуги). В 1872 г. ирландский миссионер в Дамаске У. Райт сделал гипсовые слепки с этих камней, сами же камни были вывезены турецкими властями в музей в Стамбуле. Так северносирийская иероглифическая письменность стала предметом изучения.

Естественно, что сразу же возник вопрос о принадлежности новонайденных памятников культуры, которые резко отличались от памятников культуры Египта, с одной стороны, и Вавилонии и Ассирии — с другой. Между тем в ставших незадолго до этого доступными для чтения египетских иероглифических и ассирийско-вавилонских (аккадских) клинописных источниках говорилось о том, что в Северной Сирии II тысячелетия до н. э. жили хетты (по-египетски ḥtī, по-аккадски ḫatti), и упоминались страны и города хеттов, расположенные

в Северной Сирии, с которыми египтяне и ассирийцы находились иногда в мирных, чаще во враждебных отношениях. Египетские источники говорили о царстве ḥt; как о великом царстве, соперничавшем с царством фараонов. В Библии есть также несколько упоминаний о хеттах (по-еврейски бәпә Ḥēt, ḥittim) как о коренном населении Сирии; в частности, во II Книге царей (IV Книге царств) 7:6 хеттские цари названы рядом с царями египетскими¹.

Все это дало основание Райту считать новонайденные памятники именно хеттскими и отбросить мысль об их связи с каким-либо из десятков других древних этнонимов Сирии.

Английский ученый А. Г. Сэйс независимо от Райта тоже возвел северносирийские иероглифические памятники к хеттам. Кроме того, он обратил внимание на то, что памятники того же характера были еще раньше найдены в различных районах Малой Азии, на юго-востоке — в Мараше и Булгармадене, в центре — в Гявуркале, вблизи Анкары, а также во Фрактине, Аладжахююке, Богазкёе и в Язылыкая, на западе — в Карабеле, вблизи Измира. Сэйс высказал соображение, что родиной хеттов следует считать не Северную Сирию, а Каппадокию в Малой Азии, влияние же хеттов распространялось от Эгейского моря до верховьев Евфрата и Оронта, так что, наряду с Египтом и Ассирией, страна хеттов была третьей могущественнейшей державой Древнего Востока. Эта точка зрения, хотя и имела отдельных противников, получила широкое признание, и термин «хетты» и связанные с ним термины «хеттское искусство», «хеттская культура», «Хеттское царство» прочно укоренились в науке. Соответственно, иероглифы и язык, на котором ими писали, стали называться «хеттскими».

Спустя несколько лет в научный обиход вошел архив из Эль-Амарны (на восточном берегу Нила, в 300 км к югу от Каира), содержащий дипломатическую переписку фараонов Аменхотепа III и Аменхотепа IV (Эхнатона) на аккадском языке. Эта переписка подтвердила, что Хеттское царство середины XIV в. было могущественным государством с центром в Малой Азии и значительной территорией, включавшей также и Северную Сирию.

Довольно долго дешифровка хеттских иероглифов рассматривалась как одна из центральных проблем изучения Древнего Востока, так как полагали, что хеттские иероглифические памятники содержат столь же ценный материал о хет-

тах, как египетские — о Египте и ассиро-вавилонские — о Вавилонии и Ассирии, и что именно хеттские иероглифические памятники позволят получить сведения об исторических судьбах страны, являющейся как бы мостом между Эгейским миром и древней Передней Азией. Но успехи в деле дешифровки отнюдь не соответствовали затрачивавшимся усилиям. Когда же в 1906 и 1907 гг. в ходе раскопок в Богазкёе, в 150 км к востоку от Анкары, была обнаружена столица Хеттского царства — Хаттуса и найдены не иероглифические, а клинописные архивы хеттских царей XIII в. до н. э., содержавшие, наряду с дипломатической перепиской и различными другими документами на аккадском языке, огромную массу хеттских клинописных документов, то ученые, естественно, перенесли свои надежды и усилия на них.

Хеттская клинопись не требовала дешифровки, это была северносирийская разновидность уже известной вавилонской клинописи, использованная для языка центральной части Хеттского царства и царской канцелярии. Язык этот, в отличие от языка хеттских иероглифов, получил тогда в науке название «хеттского-клинописного», а затем просто «хеттского». Чешский ученый Б. Грозный уже в 1915 г. смог доложить о полном успехе в деле интерпретации этого новонайденного языка, который по своему строю оказался индоевропейским. Вскоре, в 1922 г., Грозным были успешно переведены законы на этом языке и отрывки из анналов хеттских царей.

В сообщении, сделанном в 1919 г., швейцарский исследователь Э. Ю. Форрер показал, что богазкёйский архив содержит памятники на восьми языках, в том числе, кроме аккадского и «хеттского-клинописного» (который сами хетты называли неситским), оказались засвидетельствованными два родственных хеттскому-неситскому индоевропейских языка — лувийский и палайский, и два стоящих особняком. Один из этих последних² и был, собственно, тем языком, к которому относился древний термин ḥatti; но так как к моменту его обнаружения в науке уже прочно укоренилось обыкновение называть «хеттским» основной язык богазкёйского архива — индоевропейский хеттский-неситский («хеттский-клинописный»), а также еще и язык иероглифических надписей Малой Азии и Сирии, то для новонайденного языка пришлось применить иное название; обычно он называется хаттским (иногда неточно его называют протохеттским). Хаттский предшествовал индоевропейским языкам на территории Малой Азии и

¹ Теперь мы можем догадаться, что под упоминаемым однажды в «Одиссее» XI, 521 народом Κετῆιοί, живущим в Анатолии, подразумевались хетты, но так как в эпосе не сообщается о них ничего определенного и не указывается, в какой части Анатолии они жили, то это упоминание самостоятельной ценности не представляет.

² Другим неиндоевропейским языком богазкёйского архива был хурритский, имевший важное культурное значение в Передней Азии II тысячелетия до н. э. Кроме того, хеттские писцы Богазкёя были знакомы с шумерским языком. Восьмым языком богазкёйского архива Форрер считал язык иероглифов, засвидетельствованный в Богазкёе только на печатях.

длительное время сосуществовал с ними, а затем был ими вытеснен, и ко времени сложения богазкёйского архива был мертвым, во всяком случае в центральной части Малой Азии.

Хотя, таким образом, термины «хеттский-клинописный» и «хеттский-иероглифический» применяются к основному языку клинописного богазкёйского архива и к языку иероглифических надписей Малой Азии и Сирии по существу неправильно, однако такое употребление этих терминов оправдывается тем, что само царство, столицей которого был Богазкёй, действительно называлось в древности Хеттским; точно так же хеттскими назывались и те маленькие царства Малой Азии и Сирии, в которых в I тысячелетии до н. э. применялась так называемая «хеттская иероглифика».

Следовательно, гипотеза А. Г. Сэйса о том, что центр Хеттского царства следует искать в восточной части полуострова Малая Азия (Каппадокии), подтвердилась. Но уточнение ряда понятий, в частности знакомство не с одним, а с несколькими языками хеттов, привело к изменению содержания применяемых в науке терминов: «хеттскими», в соответствии со словоупотреблением самих древних, продолжают называть царство, сложившееся в восточной части Малой Азии во II тысячелетии до н. э., и его культуру, независимо от того, на каком языке говорили в той или иной части этой державы; что касается языка, то хотя по праву «хеттским» должен был бы называться неиндоевропейский язык древнейших жителей Каппадокии, но по научной традиции и в соответствии с названием самого царства так называют в науке официальный язык Хеттской державы, который сами хетты называли неситским. Иероглифическая письменность древних надписей Малой Азии и Сирии также относится к области хеттской культуры в широком понимании этого термина, и употреблялась она в областях, которые в древности тоже обычно назывались хеттскими; поэтому и применительно к этой письменности употребление обозначения «хеттская иероглифика» является правомерным. Древнее название языка этой письменности остается нам неизвестным, поэтому он условно обозначается как «хеттский-иероглифический» по письменности, которой пользовались для его передачи. Но пользоваться этим получившим широкое распространение термином можно, конечно, только совершенно условно; в частности, теперь ясно, что из индоевропейских языков хетто-лувийской (анатолийской) ветви, распространенных в области хеттской культуры, язык иероглифической письменности ближе не к хеттскому-клинописному (неситскому), а к лувийскому, и даже может рассматриваться как один из его диалектов, хотя пока ни из чего не видно, что сами древние отождествляли его с лувийским. Термин «хеттский-иероглифический язык» нельзя признать

удачным еще и потому, что иероглифический характер носит, разумеется, не язык, а письменность. Осторожнее называть его «языком хеттских иероглифов» — это во всяком случае будет правильно, так как сама иероглифика безусловно относится к области хеттской культуры³. Однако любое обозначение этого языка в настоящее время может быть только условным.

После установления индоевропейского характера хеттского языка и факта существования на территории Малой Азии до индоевропейских языков языка хаттского, Малую Азию и, в частности, Каппадокию уже нельзя стало считать родиной хеттов. Каппадокия была лишь районом преимущественного расселения хеттов к началу исторического периода в Малой Азии (II тысячелетие до н. э.), так же как районом преимущественного расселения лувийцев были, по-видимому, юг и юго-восток Малой Азии (по мнению некоторых ученых, юго-запад), а палайцев — северо-восток (по-видимому, верховья рек Кызыл-Ирмак, Ешил-Ирмак и Чорох).

О времени и пути прихода носителей индоевропейских языков в Малую Азию до сих пор существуют разные точки зрения. Одни датируют этот приход концом III — началом II тысячелетия до н. э., другие считают, что он осуществился в начале III тысячелетия до н. э. (но по соображениям, связанным с историей индоевропейской семьи языков, — вряд ли раньше). Во всяком случае, в двуязычных хаттско-хеттских культовых текстах и хаттская, и хеттская (неситская) версии переписаны явно механически, без понимания хаттского текста и без заботы о соответствии ему хеттского перевода, что свидетельствует о том, что к середине II тысячелетия до н. э. хаттский язык практически был уже забыт; с другой стороны, хеттские заимствования в языке документов староассирийских торговых колоний XIX в. до н. э. в Каппадокии, а также значительное количество хеттских имен собственных говорят о прочном укоренении хеттского языка среди местного населения уже в конце III тысячелетия до н. э.

Считается, что в пользу теории о появлении в Малой Азии племен, говоривших на индоевропейском языке, задолго до древнейших документов богазкёйского архива, свидетельствуют лексические заимствования из хаттского в хеттский и фонетические изменения, происшедшие в хеттском языке, возможно, под влиянием хаттского субстрата, в частности, реконструируемое рядом ученых передвижение согласных, анало-

³ Еще осторожнее было бы говорить о «языке хеттских иероглифов I тысячелетия до н. э.», так как существует мнение, что во II тысячелетии до н. э. иероглификой передавался не этот, а какой-то другой язык. Однако, как будет видно ниже, все же вероятно, что это был тот же язык.

гичное передвижению согласных в армянском языке и в языках германских. Такие явления предполагают длительный, охватывающий, вероятно, не менее нескольких веков период хаттско-хеттского взаимодействия, в течение которого хаттский был вытеснен, а хеттский претерпел определенные изменения (факт медлительности языкового развития известен, а применительно к хеттскому он подтверждается тем, как незначительны изменения, которые произошли на протяжении следующих нескольких столетий, уже засвидетельствованных письменными памятниками).

Так или иначе, сложение хеттской народности в результате ассимиляции местного хаттского населения постепенно просачивавшимися в Малую Азию индоевропейскими (по языку) племенами к началу исторического периода, т. е. ко времени, засвидетельствованному письменными памятниками (XIX—XVIII вв. до н. э.), уже завершилось, и мы не находим в хеттских текстах каких-либо свидетельств о существовании в центральной части полуострова неиндоевропейских по языку групп населения; традиция сохранила лишь память о том, что языком столицы царства — Хаттусы, или Хатти (совр. Богазкёй), когда-то был хаттский. Пришлые племена полностью слились с коренным населением, а язык коренного населения уступил место новому, индоевропейскому языку, как полагают, оказав на него влияние в ряде отношений (фонетика, лексика и, в известной мере, морфология).

Следует также отметить, что у хеттов во II тысячелетии до н. э. не сохранилось никаких воспоминаний о переселении индоевропейских племен в Малую Азию.

То обстоятельство, что в сравнительно хорошо археологически обследованной Малой Азии прослеживается непрерывная преемственность культурных традиций от III тысячелетия до н. э. ко II тысячелетию и не обнаружен археологический материал, который бы свидетельствовал о смене одних племен другими, опять-таки подтверждает, что смены этой как таковой не было, а происходило длительное и постепенное проникновение пришлых индоевропейских племен и их ассимиляция местным хаттским населением.

Установленная на основании археологических данных непрерывность развития хеттской культуры, начиная с III тысячелетия, по-видимому, не нарушается фактом появления в конце III тысячелетия полихромной, так называемой каппадокийской керамики, так как, будучи распространенна в довольно ограниченной области малоазийского плоскогорья, полихромная керамика не приходит на смену монохромной, а сосуществует с ней.

Отсутствие бесспорных данных приводит к тому, что не только время появления носителей индоевропейских языков

в Малой Азии вызывает разногласия едва ли не на целое тысячелетие, но и путь их прихода до сих пор остается дискуссионным.

Обсуждаются две возможности: путь из Северного Причерноморья через Кавказский хребет и далее между Черным и Каспийским морями, и путь с Балканского полуострова через Босфор и Дарданеллы. В пользу северо-восточного пути выдвигаются соображения, связанные с заимствованием хеттами вавилонского варианта клинописи и некоторых особенностей культуры вавилонского происхождения (например, ряда специфических черт вавилонского учения о гаданиях), а также упоминания о выходе солнечного божества из-за моря, возможно, содержащиеся в одной хеттской и в одной палайской молитве, — полагают, что это косвенное свидетельство того, что хетты некогда жили на западном побережье Каспийского моря; кроме того, ссылаются и на то обстоятельство, что жители восточных городов Хеттского царства не несли повинностей, что могло быть связано с их более ранним приходом в Малую Азию; не последнюю роль играют здесь и доводы чисто лингвистического порядка. Некоторые исследователи считают, что такие общие для строя армянского и хетто-лувийских языков черты, как полное отсутствие дифференциации по грамматическому роду в армянском и дифференциация только двух родов в хетто-лувийской группе, а также утрата степеней сравнения и там и тут, свидетельствуют о том, что носители хетто-лувийских языков, прежде чем переселиться в Малую Азию, длительное время обитали на Кавказе. Полагают, что именно влияние кавказского языкового субстрата вызвало в хетто-лувийских языках и много позже в армянском аналогичные изменения.

Однако сторонники северо-западного пути отмечают, что заимствование письменности и других особенностей культуры движущимися племенными массами, прежде чем они перешли к оседлости и поднялись до уровня государственности, маловероятно, а морское побережье, на котором якобы некогда жили хетты, может быть и западным побережьем Черного моря или просто берегом большого озера. Против восточного пути выдвигаются также соображения географического порядка: судя по лингвистическим данным, мигрировавшие в Малую Азию индоевропейские племена были скотоводческими и поэтому вряд ли могли пробиться сквозь густой субтропический лес, покрывавший черноморские склоны Кавказских гор до самой береговой полосы, узкой и каменистой, или через труднодоступные перевалы Большого Кавказа (верховая езда еще не применялась, а кочующие скотоводческие массы были обременены многочисленными тяжелыми примитивными повозками, колесницами и обозами с женщинами и детьми);

если же переселявшиеся племена воспользовались бы удобной для передвижения с северо-востока холмисто-степной полосой Прикаспия, то они скорее всего задержались бы в Азербайджане или Иране и не попали бы в Малую Азию.

Что касается лингвистических соображений в пользу северо-восточного пути, то факты, на которые они опираются, могут иметь и другое объяснение: аналитические средства выражения степени качества вообще появляются очень рано и совершенно независимо в разных языках; если же говорить о стирании противопоставления по грамматическому роду как следствии воздействия субстрата, то нет необходимости реконструировать для армянского и хетто-лувийских языков общий субстрат на Кавказе, так как в одинаковом направлении мог подействовать разный, но в чем-то сходный субстрат, в частности, хуррито-урартский субстрат армянского в районе Армянского нагорья и хаттский субстрат хетто-лувийских языков в Малой Азии (дифференциация по грамматическому роду отсутствовала как в хуррито-урартском, так и в хаттском).

В защиту северо-западного пути выдвигаются изменения в малоазиатских археологических культурах последней четверти III тысячелетия до н. э. — возникновение Трои VI на развалинах менее важных поселений, восходивших к периоду расцвета Трои в начале III тысячелетия до н. э., и появление культуры «каппадокийской» керамики на развалинах культуры раннего бронзового века. Но эти данные, в частности вопрос о «каппадокийской» керамике, могут, как говорилось выше, иметь и другое истолкование, а отождествление этноса с определенной археологической культурой — дело чрезвычайно рискованное. Новым доводом в пользу западного пути могли бы служить выдвинутые недавно В. В. Шеворошкиным соображения о принадлежности карийского языка, существовавшего в I тысячелетии до н. э. на юго-западе Малой Азии, к группе хетто-лувийских языков, так как в соответствии с античной традицией кары пришли в Малую Азию с островов Эгейского моря.

Поскольку прямые данные о времени и пути проникновения индоевропейцев в Малую Азию отсутствуют, то неясна и последовательность, в которой носители отдельных хетто-лувийских языков пришли в Малую Азию⁴ (возможно также,

⁴ Еще прежде чем науке стал доступен материал хетто-лувийских языков, П. Кречмер (1896) определил как догреческие топонимические названия с суффиксами *-ss-* и *-nd-/nth-*, распространенные от Греции (например, Parnassos, Briletos, Gargettos, Korinthos, Probalinthos) до восточной Малой Азии (например, Zippalanta, Purushanta, Milawanta; Tattassa, Targhantassa, Parnassa). В дальнейшем, на основании выявления этих суффиксов в лувийском (*-anta-* и *-ssa-*), Э. Форрер (1921) пришел к выводу о том, что лувийцы переселились в Малую Азию с запада примерно за тысячу лет

что в Малую Азию пришли носители общеанатолийского языка, из диалектов которого уже здесь возникли впоследствии отдельные анатолийские языки). Если для хеттского и палайского бесспорно длительное сосуществование с хаттским, для палайского даже более длительное, чем для хеттского, то о характере взаимодействия лувийского и хеттского-иероглифического с местным языковым субстратом достаточных данных пока нет; вероятно, этим субстратом был тот же хаттский или же диалект хаттского, отличный от тех, которые предшествовали хеттскому-неситскому и палайскому, но не исключаются и другие возможности.

Ряд трудностей возникает также при определении времени создания хеттской иероглифической письменности, степени самостоятельности ее возникновения, народа, ее создавшего, языка, для которого она была создана, и языка, для которого ею пользовались в дальнейшем⁵, а также характера сосуществования хеттской иероглифики с хеттской клинописью и причин, по которым хеттская иероглифика почти на полтысячелетия пережила хеттскую клинопись.

до хеттов. Наконец, Х. Т. Боссерт (1946) перенес все известное о лувийском на хеттский-иероглифический и стал рассматривать носителей именно этого языка как первых индоевропейских поселенцев в Малой Азии. Однако оснований для такого отождествления и столь далеко идущих выводов из него пока нет.

«Лувийский» топонимический и ономастический материал на территории Греции, юга Балканского полуострова и западной части Малой Азии, собранный и с особой тщательностью проанализированный в ряде работ последних лет, не может сравниться чисто количественно с лувийской топонимикой и ономастикой в Малой Азии II и I тысячелетий до н. э.; к тому же он не поддается точной датировке и может относиться ко времени до расселения лувийцев (и хеттов) в Малой Азии. В этом случае этот материал можно рассматривать как подтверждающий теорию западного пути проникновения носителей хетто-лувийских диалектов в Анатолию (существует также и противоположная точка зрения — ее сторонники рассматривают этот материал как свидетельство прихода племен, говоривших на хетто-лувийских диалектах, из Малой Азии на юго-восток материковой Греции, Крит и другие Эгейские острова задолго до так называемых «пеласгов»).

Как бы то ни было, пока нет оснований утверждать, что лувийский язык или язык, известный нам из хеттских иероглифических памятников, были в какой-либо период распространены одновременно на территории, охватывающей как весь Эгейский мир, вплоть до Греции, так и Малую Азию.

⁵ Есть точка зрения, что хеттская иероглифика возникла и существовала во II тысячелетии до н. э. как письменность хеттского-неситского языка и лишь позже, в I тысячелетии до н. э., была применена для лувийского.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
От автора	8
I. Введение	9
II. Источники	18
Время и территория распространения хеттских иероглифических памятников	18
Обзор хеттских иероглифических памятников	27
Публикация хеттских иероглифических памятников; материалы, связанные с изучением письменности и языка хеттских иероглифических памятников	32
III. Письменность	34
История дешифровки хеттской иероглифической письменности	34
Происхождение хеттской иероглифической письменности	44
Система хеттской иероглифической письменности	47
IV. Краткий очерк языка	57
1. Письмо и фонология	57
2. Морфология	64
Имя	64
Словообразование	64
Основы имени	64
Суффиксы производных именных основ	66
Склонение	68
Местоимения	71
Личные местоимения	71
Притяжательные местоимения	73
Указательные местоимения	73
Относительные и вопросительные местоимения	76
Числительные	77
Глагол	78
Словообразование	78
Основы глагола	78
Суффиксы производных основ глагола	79
Удвоение корня	79
Спряжение	80
Глагольные имена	83
Частицы	84
Наречия-послелог-превербы	85
V. Заключение	88
Приложения	
1 А. Чтения фонетических знаков, предложенные до 1939 г.	89
1 Б. Нормальный силлабарий (по Гельбу)	90
1 В. Нормальный силлабарий (по Ларошу)	91
1 Г. Список хеттских иероглифических знаков (по Ларошу)	92
1 Д. Алфавитный список логограмм (по Ларошу)	108
2. Образцы хеттских иероглифических текстов.	109
А. Надпись из Рестана	109
Б. Надпись из Эркилета	111
Библиография	113
Список сокращений	117
Карта размещения находок хеттских иероглифических памятников	118